

Михаил Краснянский

МЕМУАРЫ ТРЕХЛЕТНЕГО ЧЕЛОВЕКА

Когда мои дети (сын и дочь) были совсем маленькими, я постоянно сомневался, что правильно понимаю причину их слёз или смеха, их радости или огорчения. Мир детей и мир взрослых – непересекаемы; например, как я заметил, детей больше интересует – откуда всё берется, а взрослых – куда всё девается. Можно только радоваться, когда дети, а особенно внуки нарушают наш покой – это дает нам подтверждение, что наш покой ещё не стал вечным...

Как-то я поделился своими мыслями с моей приятельницей, прекрасной, талантливейшей поэтессой из Украины **Наташей Хаткиной** (она тогда тоже воспитывала маленькую дочку). Поэзия Наташи мне близка и мною любима:

Молитва на кухне

Надо посуду вымыть, а тянет разбить.

Это отчаянье, Господи, а не лень.

Как это трудно, Господи, – век любить.

Каждое утро, Господи, каждый день.

Был сквозь окно замерзшее виден рай,
тусклым моченым яблоком манила зима.

Как я тогда просила: «Господи, дай!»

– «На, – отвечал, – только будешь нести сама».

Но вернёмся к моему разговору с Наташей Хаткиной о «**загадочной детской душе**». Поговорив об этом несколько вечеров, мы вдруг решили сочинить такую вот нравоучительную сказку для наших детей (видимо, вдохновленные историей преподавателя математики Оксфордского университета Чарльза Додгсона – он же Льюис Кэрролл – который в 1864 г. написал не только захватывающую сказку для детей про девочку Алису, но также, как оказалось, и философскую притчу для взрослых). Причем, мы решили сочинять обязательно от первого лица – от трёхлетнего ребёнка! Мы думали, что сочиняем прежде всего детскую книжку для детей, но, по-моему, получилась взрослая книжка для взрослых – судите сами (*ниже – несколько отрывков*).

Кушанье

Меня зовут Маша и мне три годика. Правда, до трёх я считать ещё не умею, но до семи уже могу: раз, два, семь! Я очень плохая девочка. Я никогда не вырасту, потому что очень плохо кушаю. Я не люблю манную кашу, рисовую кашу, гречневую кашу. Я не люблю суп, борщ, жареную картошку, вареную

картошку. Макароны ненавижу. Котлетами я плююсь, от молока у меня тошнилка. Меня часто ругают из-за кушанья, и я не понимаю – за что. Вот мне сильно захотелось варенья, и я полезла на кухне в буфет. Мне было очень трудно, но я все-таки достала банку, проковыряла дырку в бумажной крышке и засунула туда ложку. Тут прибежала бабушка и сказала: "Не смей кушать варенье, скоро обед!" – Какие странные эти взрослые! Когда я хочу что-нибудь скушать – мне не разрешают, когда не хочу – запихивают в меня еду. Как их понять? Мама говорит: "Съешь эту кашку, получишь конфетку". Но конфетку я тоже не хочу, зачем тогда есть кашку? "Сейчас же съешь! – громко говорит мама, хотя я совсем возле нее, и все хорошо слышу. – Сколько можно капризничать!" – говорит она еще громче. Я хочу объяснить мамочке, что совсем-совсем не хочу кушать и что не виновата, но из меня вдруг вырывается крик: "Не хочу-у!". Мама быстро-быстро начинает рассказывать: "А вот жили-были дед и баба открой рот. И попросил дед бабу закрой рот испечь ему колобок глотай кашу". Каша противная, в ней плавает теплое жирное масло. Я кашу не глотаю. Ее у меня в ротике собралось очень много, она уже даже вытекает обратно. А мама говорит и говорит эту противную-противную сказку. Но я внимательно слушаю, потому что, когда мамочка на минутку замолчит, надо успеть выплюнуть кашу и крикнуть: "Не хочу!". Если мама торопится, она сразу стучает меня по губам, и тогда можно реветь и драться. Иногда она зовет папу. Папа прибегает и кричит: "Оставьте ребенка в покое (ребенок – это я!), пусть он ест сам". Все уходят из кухни и оставляют меня вдвоем с ненавистной кашей. Ну, сейчас я ей покажу. Я хватаю ложку и изо всех сил луплю этой ложкой по каше. Вот тебе, каша, вот тебе! Каша пугается и убегает из тарелки на стол, на пол и на стенку. Я тоже пугаюсь. Но вдруг вижу, что каша со стенки мне подмигивает. Ой! Надо срочно что-то делать. Сейчас прибежит бабушка – и начнется! Я умоляюще гляжу на любимого пёсика Кешу, который сидит рядом и внимательно смотрит на убежавшую кашу. Каша тоже приятельски глядит на него и даже подмигивает ему со стенки. Кеша радостно взвизгивает и начинает быстро-быстро дружески лизать кашу – сперва ту, что на полу, потом на столе, потом на стенке, а потом остатки на моей тарелке. И каша исчезает! Кеша настоящий друг, спрятал кашу от бабушки у себя в животике!

Одевание

Летом я просыпаюсь вместе с солнышком, а зимой вместе с лампочкой. Мама зажигает свет и говорит: "Маша, быстро одеваться". Но это она только так говорит. А одевает она меня сама. Зимой одевания очень много. Одних штанов три штуки. Верхние синие штаны такие кусачие, что прокусывают

нижние красные. Ну и пусть бы себе кусали друг дружку, а меня нечего, я им ничего плохого не сделала. Мне захотелось на горшок, но только я подумала сказать об этом, мама схватила меня одевать, и я быстро забыла. Мама одевает меня очень быстро. Она крутит меня и всё время дергает, как я свою деревянную куклу Зину. Три раза дерг за одну ножку, три раза за другую – и вот я уже во всех своих штанах. За штанами идут носки. Мама их всегда очень долго ищет. Наверно так надо, потому что вообще-то носки всегда валяются на самом виду. Только я вспоминаю про горшок, раздаётся мамин крик: "Где эти собачьи носки?", хотя бабушка говорила, что они вовсе верблюжьи. Носки я хорошо вижу, но искать их очень интересно, и я молчу и принимаюсь их с мамой искать. Про горшок я опять забыла. Мама сначала засовывает голову в мой шкафчик, потом высовывает голову и выкидывает из шкафчика все вещи. Носков, конечно, там нет, потому что они спокойно лежат на столе прямо перед носом. Но мы с мамой еще залезаем под кровать, потом под шкаф, потом в мой ящик с игрушками (как интересно!), потом мама смотрит на люстру, где носки один раз действительно висели. Наконец мама зло ударяет кулаком по столу и попадает прямо в эти собачьи носки... После носков мама надевает на меня пальто и ботиночки и бежит причесываться. Стоять в коридоре мне жарко и скучно. Тут я вспоминаю про горшок.

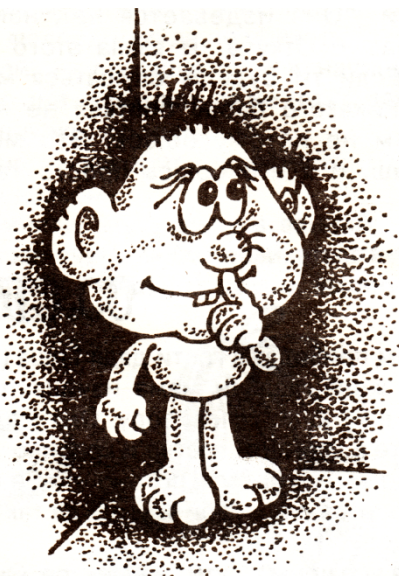
– Какать! – кричу я. – В яслях покакаешь, – кричит мама из ванной. – Тут всего через дорогу перейти. – Ка-акать!! – все равно ору я изо всех сил и начинаю снимать пальто, потому что мне очень жарко. Подбегает мама, одним рывком сдирает с меня всё и плюхает меня на горшок.

– Алик! – кричит она папе, – я опаздываю, мне опять вкатывают выговор. Зашвырнешь ребенка в ясли сам (ребенок – это я!). Мама уходит. Я сижу на горшке в коридоре. Перед моим носом ящик с обувью. Это очень интересно. Если потянуть папин ботинок за шнурок, получится очень хороший паровозик. У-у-у – ботинок поехал вокруг горшка. Но только ботинок коричневый, а паровозики-то черные! А вот как раз щетка. Сейчас мы намажем ботинок черненьким кремом. – Готово? – подбегает папа. – Готово, – говорю я, – намазала! Папа поднимает меня с горшка. – Ничего не сделала, только голову морочила, – говорит он и легонько шлепает меня по попе. А я забыла совсем про горшок, так интересно было с папиным ботиночком! Папа пытается оттереть ботинок, а также мои и свои руки от сапожного крема и начинает меня одевать. Одевает он меня не так быстро, как мама, зато меньше дергает, потому что все штаны надевает на меня сразу. При этом как-то получается, что на одной ножке сверху синяя штанина, а на другой – красная. Мне так очень

нравится, а папа ругается на штаны, а потом говорит: «Пустяки! Идти всего через дорогу!». Папа гасит в комнатах свет, зашвыривает горшок ногой в ванную, а меня через дорогу — в ясли, как мама велела.

Страхи

Жить очень страшно. Если переходить дорогу и не держать бабушку за руку, то на тебя наедет машина и отрежет ножку («мой зайчик, мой мальчик попал под трамвайчик»). Если не будешь слушаться маму, то тебя заберет дядя милиционер и наругает, а если не слушаться бабушку, то придет тетя врач и сделает укольчик, а если папу — то папа сам нашлепает. Если не будешь кушать, то налетит ветер и унесет, и понесет далеко-далеко, и спустит в темном-темном лесу, а там волки вот с такими зубами. Если не будешь спать, то придет маленький, синенький, волосатенький старичок, на одну ножку

Бабайчик (рис. Е. Тарабриной)

хромает, одним глазиком моргает — и как защекочет. А если будешь приставать с вопросами, то прилетит огромная оса и укусит за язычок. Вот как всё кругом страшно. Зато у меня есть Бабайчик. По вечерам он живет в темном углу против моей кровати. Он страшный, потому что Бабайчик, и я его боюсь. Но он не злой Бабайчик, ему ничего от меня не надо, и я с ним дружу. Я рассказала о нем бабушке. "Чего ты боишься, — сказала бабушка, — никакого бабая там нет". И включила свет. "Конечно нет, — согласилась я. — Он же за шкафом теперь спрятался".

Прибежал папа, "Да нет здесь никакого бабая!" — и, крикнув, отодвинул шкаф. Пока он двигал шкаф, Бабайчик (хитрый!) спрятался под мою кровать, но я его не выдала, не хочу, чтоб он убежал совсем, и кровать не хочу, чтоб двигали. "Она издевается над нами, — закричала мама. — Откуда ты взяла этого дурацкого бабайчика! Если ты будешь слушаться маму, папу и бабушку, никакого бабая бояться не нужно!". А я его и совсем не потому боюсь. Это мой Бабайчик, а не ваш, и я его боюсь, потому что я его люблю!

Веселье

Зимой наша песочница спит под снегом. Но когда летом в выходные мы выходим во двор, мама сразу усаживается на лавочку вязать и говорит:

– "Не крутись возле меня. Пойди поиграй в песочницу. Вон сколько там детей. Вы так вчера хорошо играли". – Детей там и правда много, и они все вместе, а я одна, и никто на меня даже не смотрит, и мне немножко страшно к ним подходить. Я чуть-чуть помню, что вчера мне с ними было весело, но совсем не помню, как это веселье началось.

– Иди, иди в песочницу, – подталкивает меня мама в спину. – Вон Сережа играет, и Дима там. Я подхожу к Диме. С Димой мы вчера закапывали его красную машинку в песок и потом долго-долго искали. Это было очень весело. А сейчас Дима играет с такой же, как он, толстой девочкой в белых колготках, со Светкой, и на меня не глядит. А девочка еще и пихается. Мне становится скучно. Я иду на другой край песочницы. Там уже стоит Анечка. Она всегда долго стоит на краю песочницы и шатается, а потом падает вниз, ударяется головкой о землю и орет. Мне становится ее жалко. Я поднимаю Анечку с земли, беру за ручку и отвожу к скамейке, где сидят мамы. Воображу Светка в своих белых колготках тоже прибежала и уселась на лавочку со взрослыми и сразу стала ябедничать:

– А Аня подобрала в песочнице фукаку и засунула в ротик! – Анечкина мама молча сгребает Анечку, молча засовывает ей в ротик свой сердитый палец и долго шарит им в Анечкином ротике. Ага! Нету фукаки! Съела! Мама молча несет Анечку к песочнице и забрасывает на середину. Анечка бредет к краю песочницы, останавливается и начинает шататься. Сейчас она упадет и ударится головкой, а я возьму ее за ручку и отведу к ее маме. Но тут вмешивается моя мама: – "Не ходи сюда сама и не води Анечку. Нечего торчать возле взрослых". – Ну, конечно, нам нечего, а Светке есть чего. Нет, что-то сегодня скучно, вот вчера было весело, только, как именно это было – я уже не помню. Я иду в песочницу. В ней уже очень много детей. Больше, чем песка. Но песок там тоже есть. Сережка им все время обсыпается. Поэтому, когда я прихожу в песочницу, я первым делом ищу Сережку. Когда я нахожу Сережку, я набираю в ведерко песочек и высыпаю Сережке на головку, потому что ведь он все равно будет обсыпаться, а я раньше! Когда это видит моя мама, она строго говорит: "Сейчас же возьмитесь за ручки и играйте хорошо". А сама вяжет. А как же можно играть, если все время держать друг дружку за ручки? Когда обсыпание видит мой папа, он говорит: "Так ему, давай, давай, дочка, только смотри в глаза не сыпь!". А сам курит. Когда со мной гуляет бабушка и видит, как я обсыпаюсь с Сережкой, она кричит Сережкиной маме: "Уберите вашего хулиганского ребенка!" (ребенок – это Сережка!). Бабушка не курит и не вяжет, а все время следит, чтобы мы играли, как положено. А это

так скучно! Пока наши бабушки и мамы спорили, мы с Сережкой залезаем на горку. Горка высокая, железная и немножко шатается. Мы с Сережкой боимся и поэтому, когда съезжаем вниз на попе, громко визжим. На визг прибегают бабушки и мамы и дружно сердятся:

– “Нужно немедленно убрать эту горку со двора, дети сломают руки, ноги, головы, оторвут пуговицы, протрут штаны!” – и тащат нас обратно в песочницу. “Сидите тихо и играйте, как положено”, – говорят они нам. Но визг уже сидит во мне, и его надо скорее выпустить или я сейчас же лопну. Я громко визжу и убегаю от Сережки, Сережка визжит еще громче и убегает от меня в другую сторону. Анечка шатается на краю песочницы, вдруг с визгом спрыгивает вниз и не падает! И с визгом бежит догонять нас, а мы бежим и всю кричим! Вот оно – вчерашнее веселье! Я вспомнила! Вспомнила! К нам бегут наши мамы и бабушки, чтобы поймать нас, чтобы мы не бегали, не визжали, чтобы отнять у нас наше веселье, чтобы мы играли, как положено, но мы все убегаем от них и визжим, визжим и убегаем – сколько есть сил!!